

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИЕ СИСТЕМЫ

Статья посвящена вопросам взаимодействия гражданского права и гражданского законодательства как систем. Автор предпринимает попытку доказать, что существует несколько аспектов соотношения права и законодательства: не только как содержания и формы, но и как самостоятельных правовых явлений. При этом делается вывод, что и гражданское право и гражданское законодательство являются полимерными структурами.

Ключевые слова: система гражданского права, система гражданского законодательства, содержание и форма гражданского права, комплексные нормативные образования, органичная система, неорганичная система, суммативность.

Право как сложное явление может подлежать доктринальному анализу в различных аспектах. По справедливому утверждению В.Ф. Яковлева, в праве имеются системы (структуры) различного уровня: система права как разделение права на отрасли по предмету регулирования и методу воздействия (т. е. деление права на составные части по юридическому содержанию правовых норм) и система законодательства, представляющая собой деление на отрасли законодательства (т. е. классификация на уровне источников права, его формы) [1, с. 754]. Указанные системы активно взаимодействуют между собой, проявляя при этом свои качества как содержания и формы соответственно, так и выступая в виде самостоятельных правовых явлений.

Гражданское право и гражданское законодательство как системы соотносятся между собой по целому ряду параметров, установление которых, с нашей точки зрения, является важнейшей научной задачей. В юридической литературе в связи с этим ставится несколько принципиальных вопросов, ответы на которые, с одной стороны, как бы предваряют рассмотрение заявленной проблематики, а с другой — служат методологической основой ее исследования. В первую очередь, речь идет об определении самих сравниваемых явлений и о критериях их соотношения. В связи со сказанным необходимо выяснить, в каком качестве система права и система законодательства должны подлежать сравнению: как явления правовой действительности или как правовые категории? Представляется, что каждый из указанных вариантов имеет право на существование, однако, по нашему мнению, не корректно проводить сопоставление явления правовой действительности с юридической категорией как таковой.

Обратимся к анализу доктринальных подходов в этой сфере. Общеизвестной является впервые высказанная В.К. Райхером и поддержанная рядом ученых мысль о том, что система права — это научная конструкция [2, с. 65–70]. Отметим, что под-

* © Рузанова В.Д., 2013

Рузанова Валентина Дмитриевна (vd.ruz@mail.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

робная критика изложенной позиции дана О.С. Иоффе [3, с. 5–17]. Вслед за В.К. Райхером, например, А.В. Мицкевич рассматривает понятие «система права» как научную категорию (доктринальный вывод юридической науки), которой должны следовать законотворческая практика и система законодательства [4, с. 35]. Нередко эта система характеризуется как доктринальная юридико-логическая модель (конструкция, модель правового регулирования) [5, с. 442; 6, с. 8; 7, с. 48]. Однако следует подчеркнуть, что на систему права как на «научное основание для систематизации права, для классификации, логической обработки и размещения правового материала в строго определенном порядке» в свое время указывали Д.А. Керимов и В.М. Чхиквадзе [8, с. 15; 9, с. 59]. Кроме того, еще в 1957 году С.С. Алексеев признал необходимость познания системы права научной задачей [10, с. 108]. Мы считаем, что в виде «доктринального вывода юридической науки» может существовать и система законодательства. Вопрос состоит в том, выступает ли система права в качестве явления реальной действительности. Если система права – это только научная (доктринальная) категория, а не явление реальной действительности как законодательство, то их сравнение невозможно в принципе.

Полагаем, что и право и законодательство выступают, прежде всего, как явления правовой действительности. В то же время в процессе познания каждое из них может быть выражено (определено) через правовую категорию, которая, в свою очередь, является инструментом познания. Любое исследование соотношения категорий, как справедливо подчеркивает Л.Б. Тиунова, предполагает, во-первых, выявление возможных критериев такого соотношения (критериев соотносимости) и, во-вторых, определение взаимосвязей соотносимых понятий по избранным критериям [11, с. 27].

Таким образом, и право, и законодательство могут существовать как «в форме» явлений правовой действительности, так и «в виде» правовых категорий.

Мы исходим из того, что системы права и законодательства являются «равноправными», поскольку именно такой взгляд, с одной стороны, позволяет глубже раскрыть природу связи этих систем как содержания и формы (в таком качестве они не могут существовать друг без друга), а с другой – подтверждает высокую степень самостоятельности каждой из систем (они имеют собственные структуры). Вместе с тем, наличие их самостоятельности свидетельствует о том, что они могут существовать не только как содержание и форма, но и в качестве автономных правовых явлений. Сказанное, с одной стороны, позволяет сделать вывод, что система права не является внешней средой по отношению к системе законодательства, а с другой – приводит к мысли, что соотношение права и законодательства как содержания и формы является лишь одним из аспектов их взаимодействия. Полагаем, что право и законодательство могут существовать и в другом измерении: как самостоятельные явления (а значит, и как отдельные идеальные конструкции) и только в этом своем качестве они являются системами, «равноправие» которых основывается на факте их взаимного влияния.

Важно видеть, что сам по себе вопрос о соотношении названных систем возникает только в случае, если они отличаются друг от друга. В этом направлении юридическая наука проделала долгий путь: от идеи о том, что не должно быть различия между отраслями права и соответствующими кодексами, между системой права и системой законодательства, до признания факта «нетождественности» системы права и системы законодательства, который сегодня является неоспоримым [12, с. 91].

В целях определения границ и параметров предмета исследования считаем необходимым предварительно сделать следующие пояснения. Проблема соотношения системы права и системы законодательства является актуальной именно для континентальной системы права (прежде всего, пандектной) и выступает частью более широкого вопроса – о соотношении системы права и его форм (источников), поскольку право

существует и в иных формах (например, в форме прецедента). Необходимо также оговориться, что в данном случае мы используем понятие законодательства в широком значении (как совокупность законов и иных нормативных правовых актов).

В доктрине относительно системы права и законодательства дискутируется ряд принципиальных вопросов: об объективном или субъективном характере этих систем; их первичности или соответственно вторичности. Так, нередко проблема первичности или вторичности данных явлений решается в зависимости от установления их объективного или субъективного характера.

Большое значение для выявления соотношения системы права и системы законодательства имеет рассмотрение вопроса о взаимодействии отраслей (институтов) права и отраслей (иных подразделений) законодательства. В литературе межотраслевое взаимодействие рассматривается в двух аспектах: динамическом и статическом. Так, М.Ю. Челышев в связи с этим пишет: «Применительно к области действия гражданского права межотраслевое взаимодействие можно определить как взаимную динамическую связь гражданского права и иных частей системы права, которая последовательно отражается на всех стадиях гражданско-правового регулирования и во всех элементах его механизма. Межотраслевые связи гражданского права, кроме того, включают и связи статического характера, проявляющиеся во внешней форме права, в его источниках» [13, с. 60].

Сопоставление данных систем в аспекте «содержание-форма» в принципе хорошо «работает» применительно к традиционным отраслям права. Касательно же комплексных правовых образований его определение в значительной мере осложнено. В доктрине в связи с этим возникло два принципиальных вопроса: 1) являются ли комплексные правовые образования элементами системы права и (или) законодательства; 2) и если они относятся к системе права, то какое место в ней занимают.

В.А. Тархов, указывая на тесную связь гражданского права и гражданского законодательства, одновременно отмечал, что система гражданского права и законодательства не совпадают, поскольку нормативные акты могут содержать в себе нормы различных отраслей права, а нормы одной и той же отрасли содержатся в разных актах. В связи с этим для удобства пользования и решения иных задач нормативные акты систематизируются по различным признакам [14, с. 80].

«Само появление и существование комплексных нормативных актов и комплексных отраслей законодательства, — справедливо подчеркивает В.Ф. Яковлев, — есть результат взаимодействия различных отраслей права в регулировании отношений определенной сферы общественной жизни» [1, с. 754]. И далее, говоря о взаимодействии гражданского права с другими отраслями, автор в качестве комплексных образований «с участием гражданского права» называет промышленное право, строительное право, банковское право [1, с. 755].

По существу подавляющее большинство ученых признает наличие комплексных правовых образований, дискуссия же в основном разворачивается по вопросу о возможности (или невозможности) признания их отраслями права. Толчком для разработки теории комплексных отраслей права послужила констатация в ходе второй дискуссии все чаще встречающегося факта объединения законодателем в одном акте разнородных норм, подчиненного задаче регулирования взаимосвязанных между собой разнородных отношений. Первоначально выдвинутая В.К. Райхером [15, с. 189] эта идея стала предметом активного обсуждения (споры не затихают и сегодня) и сразу же возник вопрос о месте данных отраслей в структуре (системе права). По мнению Ю.К. Толстого, комплексная отрасль права не занимает никакого места в системе права, поскольку она не имеет единого предмета, своего метода и состоит из норм основных отраслей [16, с. 45].

Теория комплексных отраслей права не получила широкой поддержки и подавляющее большинство авторов встало на позицию, согласно которой комплексным может быть только законодательство, но не право. Так, В.Ф. Яковлев считает, что комплексные образования существуют именно в сфере законодательства [1, с. 755]. С.В. Поленина, в свою очередь, пишет: «Сама природа отрасли права как категория социальной действительности исключает возможность существования комплексных отраслей права (в отличие от комплексных отраслей законодательства)» [9, с. 60; 17, с. 7–8; 18, с. 33–35].

В доктрине существует и иные суждения, как допускающие возможность образования комплексов не только в системе законодательства, но и права [19, с. 9–10], так и отрицающие существование не только «комплексных отраслей» права, но и «комплексных отраслей» законодательства [20, с. 69–70].

В литературе получил распространение взгляд на комплексные образования как межотраслевые институты, представляющие собой интегрированные вторичные образования в праве. Так, базируясь на идее Л.И. Дембо [21, с. 93–95] о том, что непосредственная связь системы законодательства с системой права устанавливается через правовые институты (минуя отрасли) и на «теории удвоения структуры права», разработанной С.С. Алексеевым, М.И. Байтин и Д.Е. Петров сделали обоснованный вывод о том, что комплексные институты нельзя исключать из системы права. При этом они справедливо подчеркивают, «что именно взаимосвязь юридических норм, образующих этот институт, обеспечивает возможность и необходимость их единого выражения в системе законодательства» [18, с. 36, 37].

Считаем необходимым более подробно остановиться на «теории удвоения структуры права». Со ссылкой на мысль В.К. Райхера о том, что система права строится в нескольких плоскостях [15, с. 190], С.С. Алексеев предложил рассматривать комплексные образования (в том числе комплексные отрасли, например, морское право) в качестве вторичной структуры права, которая наслаивается над главной структурой. «В принципе, — подчеркивает автор, — внутренне строение правового материала исчерпывается главной и комплексными структурами...» [22, с. 30]. Ценность данных выводов для нашего исследования состоит в том, что в процессе изучения этих явлений им сделан ряд умозаключений, касающихся особенностей взаимодействия таких образований с системой законодательства. В частности, С.С. Алексеев пишет: «... комплексные образования реально обособляются не столько потому, что существуют самостоятельные нормативные юридические акты, сколько потому, что при помощи этих актов произошло известное согласование норм, выработаны некоторые общие положения и приемы регулирования, нормативный материал объединен нормативными обобщениями» [22, с. 28]. Таким образом, само создание таких комплексов (прочных правовых общностей), наличие которых невозможно отрицать в силу их реального существования, идет как бы «от законодателя», который путем издания соответствующих нормативных актов объективирует данные правовые образования. Вместе с тем, важно видеть, что так называемое движение «от законодателя» не является односторонним: комплексные нормативные акты и комплексные отрасли законодательства появляются именно в результате взаимодействия различных отраслей права в регулировании отношений в определенной сфере деятельности. Здесь просто имеет место смещение акцентов: в процессе формирования комплексных нормативных общностей субъективный фактор играет существенную роль.

Если комплексные образования отнести только к сфере законодательства, то тогда возникает вопрос, что является содержанием последнего? Или, если перефразировать вопрос: какое содержание (с позиции соотношения права и законодательства как содержания и формы) имеют комплексные отрасли законодательства (иные комплек-

сные нормативные образования)? Что представляет собой законодательно «оформленная» разноотраслевая совокупность правовых норм? Как отмечалось, в основном дискуссия развернулась в аспекте возможности (или невозможности) признания их отраслями права. Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, зависит от той системы координат, которая принята в качестве базы для дискуссии. Так, если мы исходим из устоявшегося, но далеко не единственного, понимания отрасли права как системы правовых норм, выделяемой по критериям предмета и метода, то указанные правовые образования нельзя причислить к отрасли права. Далее, в случае признания права одномерным образованием, найти место в его системе для комплексных образований практически невозможно. Если эти образования не занимают никакого места в системе права, то тогда закономерен вывод о том, что комплексные отрасли законодательства вообще никаким образом не выражают такую структуру (систему). И действительно, в силу комплексности они не отражают и не могут отражать отраслевую структуру права (в общепринятом ее понимании) и т. д. Спор о названии комплексных образований мы не считаем принципиальным, главное, что они существуют и не только в системе законодательства, но и в системе права (в качестве вторичных образований), и это обстоятельство нельзя игнорировать.

Мы склонны рассматривать системы права и законодательства в качестве «полимерных» структур. Полимерность структуры права проявляется в наличии в ее системе первичной – отраслевой структуры и вторичной – комплексной структуры. Причем «полимерность» системы законодательства более многообразна по сравнению с правом. Законодательство как форма использует собственные способы выражения своего содержания (права). В литературе распространен взгляд на законодательство как на явление, имеющее вертикальную и горизонтальную (или вертикальную, горизонтальную и федеративную) структуры. При этом, как правило, под вертикальной структурой понимается иерархическая структура, под горизонтальной – отраслевая, а под федеративной – структура, обусловленная федеративным устройством нашего государства. Иногда к вертикальной структуре в качестве ее разновидности относят и федеративную структуру.

Таким образом, система права как его внутреннее строение и система законодательства как строение его форм являются одноуровневыми тесно связанными между собой и одновременно обладающими относительной самостоятельностью системами. Данный общетеоретический вывод находит свое яркое подтверждение применительно к гражданско-правовой сфере. Структура гражданского законодательства как отраслевое законодательство в целом ориентирована на структуру гражданского права. Однако гражданское законодательство как системное образование имеет собственные принципы построения и закономерности функционирования, проявляющиеся, прежде всего, в легальном закреплении приоритета Гражданского кодекса РФ, а также в наличии в ее составе комплексных образований. Если рассматривать его в широком значении (как совокупность всех нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права), то с позиции теории систем можно говорить о сложном системном объекте.

Гражданско-правовая законодательная система состоит из нормативных правовых актов (их групп) различных по юридической силе и по правовой природе содержащихся в них норм (отраслевых и комплексных актов). При этом, «площадь соприкосновения» отраслевых актов более обширна, чем комплексных. Методологической базой для уяснения специфики взаимодействия отраслевых и комплексных актов в сфере гражданского права является часто встречающаяся в литературе классификация права и законодательства как систем в виде дихотомии «органичная – суммативная».

Так, В.М. Сырых по характеру взаимосвязи элементов разграничивает органические и суммативные (механические) системы, исходя из того, что взаимодействие

элементов органической системы приводит к образованию качественно нового явления, а суммативная система, являясь простым конгломератом составляющих ее частей, не образует качественно нового явления и отличается от своих компонентов только в количественном отношении. Применительно к системе «советских нормативных актов» делается вывод о том, что она является органической системой вследствие иерархической зависимости между нормативными актами [23, с. 35, 43].

Вместе с тем, позиция автора является противоречивой, поскольку он утверждает буквально следующее: «Знания о качественном различии органических и суммативных систем позволяет более четко определить различия между системой права и системой законодательства (суммативным явлением, позволяющим объединение норм не только по объективным критериям, но и по субъективным основаниям, в соответствии с разрешаемыми задачами), а также увидеть необоснованность выдвижения отдельных обособленных норм законодательства в качестве новых отраслей права» [23, с. 36]. Следовательно, система законодательства, по мысли автора, относится к суммативным явлениям, а система «советских нормативных актов» – к органическим. При этом разграничения между системой законодательства и системой нормативных актов не проводится. Кроме того, напрашивается вывод, что система законодательства не имеет признака иерархичности, поскольку данным признаком, по утверждению В.М. Сырых, обладают только органические системы. Однако именно иерархическая связь нормативных актов является определяющим моментом в характеристике системы. Указанным автором предлагается и другая классификация систем правовых явлений: суммативная, иерархическая и синтетическая. И далее они рассматриваются уже не в качестве систем, а как типы структурных связей, характеризующих соответственно суммативную или органическую системы [23, с. 38–46]. Отметим, что в других своих работах В.М. Сырых говорит не о системах, а о суммативных и органических структурах [24, с. 7–9, 12].

С.В. Поленина и право, и законодательство относит к типу органичных систем [25, с. 5]. Иногда она использует иную терминологию, говоря об органической (органичной) структуре [26, с. 21; 27, с. 37]. В известной монографии «Система советского законодательства» на основе дихотомии «неорганические и органические системы» и право, и законодательство рассматриваются в качестве неорганичных систем [28, с. 6]. При этом авторами указанного труда также используются термины «неорганические» и «органические» системы.

Следует отметить, что для характеристики права и законодательства как систем используются различные термины (органическая система, органичная система, органичная структура, органическая структура), что иногда имеет место даже в рамках одной работы («Система советского законодательства»).

С.С. Алексеев отмечает, что право, будучи социальным явлением, представляет собой «нечто среднее между “просто” организованной и органичной системами и одновременно оно тяготеет “к типу органичных систем”» [29, с. 12–13]. Вместе с тем, он пишет: «Здесь есть и своего рода закономерность: в праве заложен потенциал быть органичным образованием, но оно никогда не может быть завершенной органичной системой» [29, с. 13]. Изложенные выводы, с которыми мы солидарны, можно в полной уверенности отнести и к законодательству, поскольку автор рассматривает кодификацию как средство развития права как системы и исходит из того, что уровень «отработанности, совершенства законодательства» прямо влияет на причисление права либо к типу «просто организованных систем», либо к типу органичных систем.

Подчеркнем, что мы рассматриваем суммативность как категорию, характеризующую качество внутрисистемных связей, и понимаем под системами только целостные образования, допуская при этом градацию целостности.

Отраслевые гражданско-правовые нормативные акты взаимодействуют с аналогичными актами и системой в целом на уровне органичных связей, а комплексные нормативные акты «с участием гражданского права», по сути, на уровне связей, близких к суммативным. Однако последнее обстоятельство не нарушает целостности гражданско-правовой законодательной системы, поскольку, несмотря на то, что она никогда не может быть завершённой органичной системой, в ней наличествует потенциал быть органичным образованием.

Таким образом, взаимодействие гражданского права и гражданского законодательства в качестве систем многогранно. Такой подход позволяет увидеть все богатство соотношения данных правовых явлений, которое не укладывается в рамки традиционного представления о них как о содержании и форме.

Библиографический список

1. Яковлев В.Ф. Гражданское право в системе права // Избранные труды. Кн. 1.
2. Гражданское право: История и современность. М.: Статут, 2012. 976 с.
3. Райхер В.К. О системе права // Правоведение. 1975. № 3. С. 65–70.
3. Иоффе О.С. Система права и хозяйственное законодательство // Вопросы совершенствования хозяйственного законодательства: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. Вып. 68. С. 5–17.
4. Мицкевич А.В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В.Н. Литовкин, В.А. Рахмилович. М.: Городец, 2000. С. 20–45.
5. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Норма, Инфра-М, 1999. 552 с.
6. Кузьменко А.В. «Системный взгляд» на систему права // Правоведение. 2003. № 3. С. 4–11.
7. Капустина М.А. Система норм права и система законодательства: соотношение и взаимосвязь // Систематизация законодательства в России: история и современность: к 175-летию издания Свода Законов Российской Империи: материалы международного «круглого стола». (Институт государства и права РАН, Москва, 18–19 января 2008 г.) / отв. ред. С.В. Кодан. М.; Екатеринбург; Н. Новгород, 2008.
8. Чхиквадзе В.М., Керимов Д.А. Роль советской правовой науки в совершенствовании законодательства // Вопросы кодификации: сб. науч. ст. М.: Госюриздат, 1957.
9. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М.: Госюриздат, 1962. 104 с.
10. Алексеев С.С. О системе основ гражданского законодательства СССР и республиканских гражданских кодексов // Вопросы кодификации советского законодательства: сб. ст. Свердловск, 1957. С. 107–120.
11. Тиунова Л.Б. О понятии правовой системы // Правоведение. 1985. № 1. С. 23–30.
12. Генкин Д.М. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9.
13. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 206 с.
14. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть (курс лекций). Чебоксары: Чув. кн. изд-во. 1997. 331 с.
15. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1947. 282 с.
16. Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–55.

17. Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5–12.
18. Байтин М.И., Петров Д.Е. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 4. С. 35–42.
19. Хабриева Т.Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 3–16.
20. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства // Правоведение. 1975. № 2. С. 62–71.
21. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 61–67.
22. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
23. Сырых В.М. Основные принципы внутренней организации правовых явлений как систем органического и суммативного типа // Проблемы совершенствования советского законодательства. 1974. № 1. С. 35–46.
24. Сырых В.М. Структура, генезис, система как элементы исторического и логического познания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 15 с.
25. Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5–12.
26. Поленина С.В. Система советского законодательства // Советское государство и право. 1975. № 11.
27. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М.: Наука, 1979. 205 с.
28. Система советского законодательства / под ред. И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1980. 328 с.
29. Алексеев С.С. Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 7. С. 11–18.

*V.D. Ruzanova**

CIVIL LAW AND CIVIL LEGISLATURE AS INTERACTING SYSTEMS

The article is dedicated to the interaction of civil law and civil legislature as systems. The author tries to prove that there are several aspects of interaction of law and legislature: not only as the interaction of form and content but also as independent law phenomena. The author concludes that both civil law and civil legislature are polymeric systems.

Key words: civil law system, civil legislative system, content and form of civil law, complex normative formations, organic system, inorganic system, summativity.

* *Ruzanova Valentina Dmitrievna* (vd.ruz@mail.ru), the Dept. of Civil and Commercial Law, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.